

УДК 81.42

**ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «СТРАХ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Негманова Диана Муратовна

didi_10_24_2000@mail.ru

Студентка ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – Ж. Джамбаева

Лингвистическое описание феномена страха может дать представление о степени его значимости для той или иной культуры. По мнению Л.С. Чесноковой, «страх как естественное избегание опасности свойственен всем без исключения культурам в качестве составной части человеческого бытия» [1: 207]. В связи с этим в центре нашего внимания находится концепт «страх» в рассказе Джека Лондона «Любовь к жизни», содержание

которого представляет достаточный материал для выявления языковой репрезентации анализируемого концепта. Ранее мы рассмотрели семантическое содержание существительного *страх*, выступающего словом-репрезентантом одноименного концепта, а также его синонимический ряд [2]. Так, в результате лексикографического анализа в значении слова *страх* были выделены семы *тревога*, *беспокойство*, *опасение*, *боязнь*, которые и служат синонимами прямого номинанта наряду со словами *ужас*, *трепет*, *жуть*, *испуг* [Там же, с. 68].

В настоящее время существует множество методик исследования концептов, особое место среди которых занимает модель полевого описания структуры концепта. Согласно данной модели, структура концепта имеет ядро и периферию. Ее основатели, З.Д. Попова, И.А. Стернин, отмечают, что «к ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы более абстрактные признаки составят периферию концепта» [3: 16].

Методом количественного анализа была установлена частотность употребления тех или иных лексем. Так, к ядру концепта мы относим слово-репрезентант *страх*, употребленное в тексте 7 раз, и его однокоренные производные, представленные прилагательными и наречиями *страшный* (4 раза), *страшно* (1 раз). В тексте произведения существительное *страх* вербализует эмоцию страха, имеющую различную степень проявления: «*Подавляя свой страх, он стал шарить в воде, пытаясь найти ружье; <...> собравшись с силами, он двинулся дальше, охваченный новым страхом; Сделав это, он вдруг поддался паническому страху <...>*» [4]. Усиливает чувство страха и то, что автор представляет его как нечто живое, олицетворяет его: «*Его преследовал страх; <...> в голове его билась неизбывная любовь к жизни и звучал непреодолимый страх*» [Там же].

Производных от существительного *страх* в тексте немного. Прилагательное *страшный* представлено в тексте в двух значениях: «наводящий страх, пугающий» и «значительный, сильный»: «*Это был страшный крик <...>; В воде он увидел свое собственное отражение – такое страшное ...; <...> ничего, кроме бесконечной и страшной пустыни*» [4]. Наречие же *страшно* употреблено в значении «нахождение в состоянии страха»: «*Человек не двигался; он застыл как изваяние, ему было страшно*» [Там же].

На следующем этапе мы определили список лексем, относящихся к ближней периферии концепта «страх» в рассказе Дж. Лондона. Это прежде всего слова различных частей речи, связанные семантическими отношениями с единицами, входящими в ядро, т.е. синонимы слова *страх*, являющегося репрезентантом анализируемого концепта.

В анализируемом нами произведении ближняя периферия представлена 7 существительными (9 употреблений), 6 глаголами (12 употреблений), 5 прилагательными (7 употреблений), 3 причастиями (3 употребления) и 2 наречиями (2 употребления). Всего в ближнюю периферию вошли 23 слова-синонима, которые в тексте употреблены 33 раза.

Самыми частотными оказались глаголы *дрожал* (4 употребления), *боялся* (3 употребления), передающие чувство страха, испытываемое героем. В предыдущей статье мы указывали, что семантика лексемы *дрожь* «указывает на непосредственную связь со страхом: «*частое судорожное сокращение мышц (от холода, от страха, от нервного состояния)*». Текст рассказа пронизан *страхом*, болью, переживаниями, и любое «дрожание» героя непременно связано с пережитыми им эмоциями, ведь от страха у него дрожало все: «*губы дрожали; руки дрожали; стал дрожать словно в сильной лихорадке, судорожно двигаясь; дрожал, как в лихорадке*» – это свидетельство того, что страх сковывал героя, и от мысли, что он лишится жизни, он *дрожал*» [2: 69-70]. Что же касается лексемы *боялся*, то это образование от существительного *боязнь* – прямого синонима ключевого слова, употребленного в тексте со значением «испытывать страх»: «*теперь он боялся уже не смерти; боялся упасть в воду и утонуть; впрочем, он не боялся*» [4]. Здесь следует объяснить последний пример, представляющий собой антоним. По мнению М.В. Пименовой, «концепт объективируется различными языковыми знаками, разные авторы выражают одни и те же признаки концептов разнообразными языковыми средствами. Полное описание того

или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления» [5: 129]. В связи с этим структура концепта вмещает ключевое слово-репрезентант, однокоренные слова, синонимы и антонимы. Однако расположенность к ядру у антонимов разная. На наш взгляд, однокорневые антонимы, т.е. образованные присоединением семантически различных приставок или отрицательной частицы *не* могут быть отнесены к ближней периферии концепта, а разнокорневые антонимы, показывающие различные по степени семантические отношения, – к дальней периферии.

Следующими по частотности были прилагательные и существительные *ужасный* (2 раза), *угроза* (2 раза), *опаска* (2 раза), усиливающие степень проявления страха, страшных событий. Важно заметить, что эти лексемы появляются в контекстах, демонстрирующих противостояние между человеком и животными. При этом, с одной стороны, показывают борьбу за выживание человека, с другой стороны, подчеркивают, что чувство страха присуще всем живым существам, и человеку, и животным: *«А затем наступили ужасные дни; но был одержим ужасной мыслью, что звери разорвут его; Их вой слышался отовсюду, наполняя воздух угрозой; от этой угрозы, в своем начинающемся безумии, он слабо отмахивался руками; с опаской следил за идущим по пятам волком; с опаской относились к человеку»* [4].

Остальные члены синонимического ряда и их однокоренные образования встретились в художественном тексте в единичных случаях, однако они, бесспорно, относятся к ближней периферии, поскольку, являясь синонимом слова-репрезентанта, служат средством выразительности и усиления составляющей концепта «страх» в рассматриваемом произведении. Речь идет о словах-синонимах *ужас*, *беспокойство*, *опасность*, *тревога*, *испуг*, *угроза*, *жуть*, *трепет* и их производных. Употребление каждого из них в тексте рассказа неслучайно, так автор представляет нам концепт «страх» разносторонне, отображая его тончайшие оттенки. Приведем некоторые примеры: *«Его смелость стала исчезать, сменяясь волной великого испуга; Но сердце его начало отбивать угрожающее: тук-тук-тук; в сознании проплывали жуткие видения; Это был страшный крик, и лисица испуганно метнулась в сторону; трепетавшая в нем жизнь неустанно гнала его вперед»* [4] и др.

Таким образом, вербализация концепта «страх» в рассказе «Любовь к жизни» показывает, что его ближняя периферия представлена гораздо шире ядра за счет синонимического ряда.

Дальняя периферия отображает представления автора текста, т.е. его индивидуально-авторские ассоциации, которые он соотносит с ключевым словом-репрезентантом. Такие ассоциации обнаруживаются в контексте, описывающем различные проявления страха.

Самой частотной и активной по употребительности является ассоциация «внешние и внутренние проявления страха», всего найден 51 микроконтекст с данной ассоциацией. В этой группе рассмотрены нами различные выражения страха, которые передают психофизиологические, эмоциональные реакции человека, описание его жестов, мимики, двигательной деятельности и т.п. Так, из 51 микроконтекста 17 связаны с проявлением слабости, как физической, так и психологической. Для ее описания используются все образования с корнем «-слаб-»: существительное *слабость* (7 употреблений), прилагательное *слабый* (3 употреблений), его краткая форма *слаб* (4 употреблений), наречие *слабо* (2 употреблений) и причастие *ослабевший* (1 употребление). При этом в контекстном употреблении этих единиц имеются лексемы, усиливающие ассоциацию слабости: *«он был очень слаб и сознавал это; такого слабого, почти беззащитного; слабо отмахивался руками; от слабости и окования; несмотря на чрезвычайную слабость; облизывая губы ослабевшим языком, падая от слабости; не отдаваться смертельной слабости; а рука слабо его держала»* [4]. Тесно связана со слабостью еще одно состояние – *усталость*, которое описывается в 6 микроконтекстах с помощью лексем *устал/ устав* (2 раза), *усталость* (2 раза), *усталые* (1 раз), *неустанно* (1 раз) и нередко употребляется в пределах одного контекста: *«Двигались они медленно, усталые и слабые; Он очень устал;*

пошатнулся и свалился на землю **от усталости и слабости**; **эта смертельная усталость**; **устав бороться**» [Там же]. Сюда же включены 2 микроконтекста, выражающие страх через слезы (2), плакал (1), всхлипывал (1): «Сперва он **плакал** вполголоса, а затем громко, словно обращаясь с жалобой к беспощадной пустыне. И долго еще потом он **всхлипывал** без слез. <...> **со слезами**, струящимися по исхудалому лицу, рассказывал, кто он и что пережил» [Там же].

Психофизиологическое состояние человека тесно связано с его нервной системой, поэтому лексемы *нервы* (2), *нервный* (1) также служат выражением внутреннего страха, обнаружено 3 подобных микроконтекста: «Его **нервы притупились**; **нервы его заснули**; им овладел припадок **нервной дрожи**» [Там же]. Еще одно психофизиологическое выражение внутреннего признака страха – *мольба*, в тексте найден 1 контекст с использованием данного слова «**Это была мольба** сильного человека, очутившегося в беде».

Отдельно следует рассмотреть употребления с лексемой *движение*, которые относятся к ассоциации *внешние проявления страха*. Основное значение таких употреблений «изменение двигательной деятельности от страха», в тексте они представлены достаточно широко и отражены в 22 микроконтекстах, включающих существительное *движение* (7 употреблений), глаголы *двигаться/двигался/двинулся* (11 употреблений), *упасть/упал* (7 употреблений), *споткнулся* (3 употребления), *ступал/вступал* (2 употребления), *зашатался* (1 употребление), деепричастие *двигаясь* (4 употребления), *ступая* (1 употребление), *споткнувшись* (1 употребление), наречие *неподвижно* (1 употребление). При этом нередко в художественном тексте лексемы движения находятся в одном контексте, соседствуя с другими языковыми единицами, демонстрирующими различные проявления страха: «**Двигались** они медленно, усталые и слабые; **Найдя равновесие**, он **двинулся вперед**, но **зашатался** и снова чуть не упал; Он стоял **неподвижно** в течение минуты; Он лежал некоторое время **без движения**, на боку; Они **двигались** с трудом, задерживаемые трением связок; Судорожно **двигаясь**, она лежала на боку; Долгое время он **не двигался**; Он **споткнулся от слабости** и упал лицом вниз» [4] и мн. др.

Следующая группа ассоциаций – это *страх боли* или *страх за здоровье*. В тексте рассказа мы насчитали 21 микроконтекст с использованием лексемы *боль* (10 употреблений) и ее производных *больной* (12 употреблений), *болезненно* (3 употребления). Боль преследовала героя на протяжении всего повествования, поскольку уже с самого начала он был болен и слаб, поэтому и остался один. Боль в микроконтекстах присутствует в двух значениях: 1) как «физическое страдание»: *ноги болезненно немели*; *тупая боль в животе*; *тяжелая боль в желудке*; *перевязал больную ногу*; 2) как «душевное страдание»: *издав острый крик боли*; *корчась от боли*; *стал нечувствителен к боли*; *больной ползущий человек*; *проснулся простуженным и больным*.

Значимость концепта «страх» для рассматриваемого произведения возрастает еще и тем обстоятельством, что в рассказе описывается не только страх человека, но и страх животного (что нами было уже отмечено). Так, в 6 из 21 микроконтекста ассоциация *страх боли* обращена к животному, во всех случаях речь шла о *больном волке*. Это сочетание в пределах 6 микроконтекстов встретилось 8 раз. При этом животному, также как и человеку, боль причиняла различные страдания: «**Все время за собой он слышал кашель и сопение больного волка**; **Больной** волк присоединился к нему унылым воем; **больной прихрамывающий волк**» [4].

Любое проявление боли тесно связано с самым главным органом человека – *сердцем*. Присутствие данной лексемы в тексте (6 употреблений в 6 микроконтекстах) углубляет ассоциацию *страх боли*, показывая, что страх овладел героем полностью: «**Сердце** также причиняло ему много хлопот, оно начинало сильно биться, прыгало вверх и вниз в мучительных переboях; пытаюсь оставаться хладнокровным, хотя **сердце** его билось в груди и руки дрожали; когда **сердце** ему позволяло, он сделал не более пяти миль; но **сердце** его начало отбивать угрожающее: тук-тук-тук» [Там же]. Тем самым группа ассоциаций *страх боли* в количественном отношении насчитывает 27 микроконтекстов.

Особое место в тексте произведения занимают ассоциации, содержащие *цвето-световые характеристики страха*. Нами было обнаружено 16 микроконтекстов, описывающих нагнетание страха, связанное с отсутствием света, ярких красок, в которых активно использовались лексемы *серый* (10 употреблений в 5 микроконтекстах), *темный* и ее образования *темнота/темно/потемнели* (4 употребления в 4 микроконтекстах), сюда же мы отнесли *туман/туманный* (7 употреблений в 7 микроконтекстах). Так, слово *серый* могло быть употреблено в пределах одного микроконтекста 4 раза: «*Не было ни деревьев, ни кустов – ничего, кроме серого моря мхов, где изредка выделялись такие же серые скалы, серые озерки и серые ручьи*» [4]. Интересно проследить за употреблениями с лексемой *туман*. Кроме того, что «*День был туманный*», и в тексте имеется 4 микроконтекста, утверждающих данное обстоятельство, показано, как туман, лишив человека видимости, сковывает его: «*Он видел его явственно, протерев глаза для того, чтобы смахнуть расстилавшийся туман; Он не верил своим глазам и усиленно стал протирать их, чтобы отогнать густой туман, окутавший его зрение; <...> туман овладевает его мозгом*» [Там же].

Говоря о концепте «страх», невозможно обойти ассоциацию *страх смерти*, ведь это самое основное чувство, которое позволяет герою бороться за жизнь, любить ее и выжить. Нами обнаружено 10 микроконтекстов с такой ассоциацией, с использованием лексем *смерть* (3 употребления), *умереть* (4 употребления), *умирать* (2 употребления), *умирающий* (2 употребления), *смертельный* (2 употребления), *умирая* (1 употребление), *мертвым* (1 употребление), *полумертвый* (1 употребление), *отмерла* (1 употребление). Эти языковые единицы встречались как в пределах одного контекста, так и в отдельных контекстах. В качестве примера приведем два ярких момента: «*Так вот что такое жизнь?! Умереть – разве это не значит уснуть? В смерти – великое успокоение и мир. Так почему же он не хочет умереть?*»; «*Было бы бессмысленно умереть после всего того, через что он прошел! Он не мог примириться с такой судьбой. Умирая, он отказывался умереть. То было явное безумие: находясь в самых когтях смерти, он бросал ей вызов и вступал с нею в решительную схватку!*» [4].

Таким образом, дальняя периферия концепта «страх» в рассказе Дж. Лондона «Любовь к жизни» оказалась намного шире и содержательнее, чем ближняя периферия и ядро концепта.

Проанализировав способы вербализации и репрезентации концепта «страх» в художественном тексте, мы предприняли попытку представить его полевою структуру. В результате анализа и интерпретации полученных данных мы пришли к выводу, что страх – это универсальная эмоция, присущая каждому человеку, и его проявления могут быть одинаковыми. В рассмотренном нами художественном тексте представлены все структурные составляющие концепта «страх».

Список использованных источников

1. Чеснокова Л.С. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой литературе // Вестник Омского государственного педагогического университета. – № 4 (18), 2012, С. 206-210. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17587244>
2. Негманова Д. Вербализация концепта «страх» в художественном тексте // Русский язык в XXI веке: исследования молодых: Материалы VII международной научной студенческой конференции. – Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2010, С. 67-71. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42368703/>
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002, 314 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21173271>
4. Дж. Лондон Любовь к жизни // Электронная библиотека «ЛитМир». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=165660&p=1>

5. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – №2 (54) 2013, С. 127-131. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/151/152>